

Публикация, вступительный текст и комментарии
М.А. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО,
А.Ю. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

Письма из 1916 года

(ПИСЬМА ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В ПЕТРОГРАД
И ИЗ ПЕТРОГРАДА В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ)

Аннотация. В этой публикации – переписка военного времени между мужем и женой – Михаилом Дмитриевичем Семеновым-Тян-Шанским и Эмми Андреевной (в девичестве – Вайолетт). Переписка охватывает события мая-декабря 1916 г. В этом номере публикуется третья часть переписки: декабрь 1916 г.

Ключевые слова. Первая мировая война, Петроград, фронт, действующая армия, семья, М.Д. Семенов-Тян-Шанский, Э.А. Вайолетт.

1-2 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,
Сегодня уже пятый день сижу на позиции, остается еще столько же. Иногда бывает так тихо, что забываешь, что ты находишься на войне, иногда наоборот поднимается трембал, как говорят у нас. В общем, время проходит незаметно — среди телефонных разговоров и приказаний. Во вторник, когда я отправлял тебе письмо, немцы очень сильно швыряли минами, причем мины их особо колоссальной силы. Я уже писал тебе, что от разрыва одной такой чемоданной мины у нас в блиндаже раскрылась дверь, а мина, как выяснилось, упала более чем в ста шагах от нас. Вечером и к нам привезли минный аппарат с нашими колоссальными минами (2 пуда весом). Мина интересна тем, что видна во время полета, — немецкая имеет горящий хвост, а наша хотя и без хвоста, но настолько велика, что отлично видна. Сила взрыва ее также огромна, такая мина, выпущенная из нашей второй роты, совершенно разрушила немецкий блиндаж. Во всяком случае, мины, которые немцы аккуратно выпускали по ходу сообщения, ведущему к Столице, дали возможность произвести наблюдение за тем, откуда они вылетают. Наша и немецкая позиции отчасти лежат в лесу, отчасти на открытом месте. Причем для облегчения наблюдений и открывания артиллерийского огня каждому лесу дано свое наименование. Начиная справа, идут леса квадратный, колбаса, палец, сапог. Квадратный лес в

руках немцев, в наших — только выходные из него рощи. Колбаса вся в наших руках, палец тоже весь в наших руках, за исключением западной его окраины. Сапог весь в руках немцев, у нас только подошва его. Наблюдения показали, что миномет у немцев стоит в западной окраине пальца. Каждое утро часов в 11 приходят к нам артиллеристы в свои наблюдательные пункты, спрашивают у нас цели и ведут пристрелку. По их наблюдениям, немецкий миномет тоже находится в кончике пальца; снова произвели пристрелку гранатами, весьма удачную. Конец пальца находится в непосредственной близости от нашей передовой линии — всего в 75-100 шагах, ты можешь теперь представить, насколько точно нужно было пристреляться. Впрочем, пристрелку ведет удивительно милый и спокойный, правда, несколько мрачный штабс-капитан Лапицкий¹ (из гвардейской артиллерии). Когда он управляет огнем, чувствуешь, что огонь находится в твердых руках, и делаешься сам спокойным и уверенным.

Вчера немцы в обычное свое время около 5 часов дня стали швырять мины из своего миномета по направлению к ходу сообщения Столицы. Мы сейчас же передали по телефону на батарею, через пять минут раздался первый выстрел, их было всего шесть, но уже больше во весь вечер минами-чемоданами немцы не швыряли и всего вчера успели выбросить только три мины. Такое реальное действие артиллерии производит удивительно ободряющее впечатление.

Немцы обыкновенно очень шумливы по вечерам, как стемнеет, они тогда швыряются всем, чем попало, и главное, чемоданами, которые весьма солидно крикают, и гул их криканья разносится по лесу. Первое время каждое криканье отзывалось во всем организме — но теперь только весьма близкое.

Вчера утром снова обходил всю линию — на этот раз все обошлось благополучно. Разрывом же чемодана, о котором я тебе писал, когда мы блуждали по окопам с Ладыженским, я решил воспользоваться и показал и его, и меня контуженным, но оставшимся в строю, — также показал контуженными, но оставшимися в строю Эльснера² и Столицу, которые выдержали 29-го сильную бомбардировку минами их блиндажа. Считаю, что контузию сразу не почувствуешь, а про запас иметь свидетельство о ней весьма полезно. Так что если ты прочитаешь в газетах наши фамилии в числе потерь, то ты знай, что это только моя предусмотрительность.

Это письмо везет с собой Кербер, который начинает собой серию отпусков, по-видимому, в отпуск будут пускать сразу четверых, и тогда очередь до меня может прийти довольно скоро. <...> ...то есть я могу приехать к Станочкиному рождению. Если же будут пускать по одному — тогда лучше не жди.

Писал тебе вчера утром, продолжаю 2-го декабря. Вчерашний день нельзя было назвать спокойным, немцы все время швырялись то минами, то чемоданами, было просто жалко. Особенно сильное швыряние было по участку левее нас, который занимает первый батальон, — пришлось и нам рассердиться и вызвать на помощь нашу тяжелую батарею, это несколько охладило германа, он стал постепенно смолкать, и ночь прошла очень тихо. Зато сегодня утром было форменное сражение. В 7 утра наш блиндаж встряхнулся от страшно сильного толчка, — Алексеевский³ подумал, что это землетрясение. Оказалось, германы взорвали мину под участком 2-й роты. Образовалась огромная воронка, немцы с криком «Ура!» заняли ее, но тотчас же были выбиты нашей контратакой, оставив не меньше 38 человек и усеяв трупами все пространство впереди своих проволоч. Наши потери незначительны. Теперь они, т.е. германы, по участку второй роты швыряются всякой дрянью. Во время атаки был здоровый огонь с обеих сторон. Теперь, в общем, тихо. <...> Если бы не война и не германы, здесь было бы очень хорошо, наш участок стоит в великолепном сосновом лесу.

Ну, пока, всего хорошего. Эту лошадь передай Станочке. Теперь мы уже отсидели более половины сидения, дай Бог, чтобы и вторая половина была благополучной. Целую тебя крепко. Христос с вами. Привет всем.

Твой М.

Суббота. 3 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Вчера был Лыжин, сказал, что все идет хорошо, никаких осложнений пока нет и, даст Бог, и не будет. Велел сделать ванны через день. И сегодня мы со Станочкой первый раз купались, она была очень довольна ванной, сидела там совершенно покойно и могла играть, но все-таки после ванны устала, сказала мне: «Я мама полежу, я устала». А в то время, как я обедала и кормила Веру, заснула, бедная девочка, все-таки она еще больна. А то днем, когда она сидит и играет, совсем веселая, температура нормальная, и аппетит хороший, кажется, что она совсем здорова и что зря только держат ее в постели. С начала болезни прошло уже двенадцать дней, занимается она сама прекрасно, хотя, конечно, просит, чтобы ее пустили бегать.

Целую Тебя крепко, крепко, мой дорогой. Храни Тебя Бог. Твоя Беби.

Воскресенье. 4 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Получила от тебя сегодня известие, что ты засел в окопы, и очень стало мне тяжело. Ты, может быть, и доволен теперь своей судьбой, стремишься тебе теперь некуда и, может быть, ты успокоишься. Чтобы это было временно, я не верю, назначили и успокоятся и забудут о тебе, и будешь ты так все время младшим офицером. Если б командир действительно тобой интересовался, то он не назначал бы на место коменданта кого-то другого, а ждал бы тебя. Разделить твой мистицизм я тоже не могу и не знаю, для чего нужны тебе испытания, о которых ты пишешь, на мой взгляд, их у тебя было достаточно. Действительно одно, что мне остается, это надеяться на твои нервы, но это надежда слабая и к тому же крайне рискованная.

Получила зараз письма и от 24, и от 26-го. Как раз в эти дни заболела Стана, 24-го у нее появилась сыпь, а 26-го выяснилось, что у нее скарлатина, и с тех пор мы сидим в карантине. Верочка пока, слава Богу, здорова, но очень она бессонная, спать совсем разучилась. Целую тебя крепко, крепко. Дай Бог тебе всего лучшего. Пиши мне.

Твоя Беби

5 декабря 1916 г. Позиция в лесу западнее Бубново.

Дорогая Булинька,

После взрыва германского камуфлета нам стали чудиться разные страхи, подозрительные шумы и всякая дрянь. Особенно подозрительным казалось таскание каких-то ящичков, проволоки и всего прочего, как нам казалось, необходимого для устройства камуфлетов. В это время приехал капитан Кошевой⁴, который заменяет Алексеевского. За расспросом новостей Петроградских несколько отошли на задний план наши местные новости. Хотя все-таки нет-нет, да и заговаривали про немецкие подкопы. Около 5 часов немцы по обыкновению опять швыряли свои мины-чемоданы. К вечеру все затихло. В этот день я чувствовал себя отвлеченно, два раза пытался ходить в передовую линию и дважды возвращался — было страшное сердцебиение и боль в груди. Утром 3-го Кошевой обошел батальон и таким образом официально принял [командование]. Конечно, весь день говорили о том, что немцы под нас подкапываются, получали донесения наблюдателей несколько панического свойства о том, что слышен стук мотора, что в секреты носят какие-то ящички, проволоку и пр. Настроение наше повышалось, как вдруг пришел Ладыженский, он временно принял роту Кербера и сообщил, что перед его участком германцы срезали всю свою проволоку, по-видимому, готовы перейти в атаку, что заметил это он сейчас, когда рассеялся туман, что проволока накануне была цела, а теперь остались только колы. В связи со слухами о подкопе настроение поднялось еще больше. Взяли план участка, стали обсуждать план обороны, решили на ночь усилить секреты, подвести один взвод из резерва к передовой линии и пр. В это время из 6-й роты, соседней с 8-й, сообщают по телефону, что немцы пускают газ и что трудно глядеть, так как щиплет глаза. Все подтверждало, что они готовятся нас атаковать. Жаль, жаль. Устав ротных на места, отдав распоряжение по отбитию газовой атаки, зажиганию костров и т.п., стали звонить в штаб полка, чтобы тяжелая батарея проверила заградительный огонь перед нашей линией, чтобы резервный батальон выслал к нам посыльных для ознакомления с дорогой, а штаб — саперов для скорейшего устройства согласно нового плана обороны новых участков позиции. Через три минуты после телефонного разговора над нами стали нежно посвистывать наши чемоданы и слышаться их солидное кряканье, когда они усаживались вдоль немецких позиций. Артиллерия наша была хорошо, что сразу дало нужную бодрость, и наше самочувствие поднялось. Зато наверху там, кажется, все всколыхнулось, потому что стали звучать звонки за звонками и как заключительный аккорд была обещана скорая поддержка в случае необходимости, как со стороны пехотных частей, так и со стороны [артиллерии]. Все-таки ночь прошла в ожидании чего-то, я ждал у телефона и ждал и спрашивал донесения ротных.

Но вот стало светать, ничего не произошло и мы успокоились; я пошел в 8-ю роту, чтобы самому понаблюдать за состоянием проволоки. Полез в секреты и успокоился совершенно, хотя, действительно, проволоки было мало, но зато рогатки стояли и деревья грудой лежали перед окопами противника, а из окопов их раздавалось мирное пение и ничего не предвещало, что они собираются идти в атаку. Зато этот душ холодный, который мы вылили на кейфующий наш штаб, а те, в свою очередь, на верхнее начальство, сделал свое дело — на позицию [прибыл] исполняющий обязанности Скорино — Лабинский⁵, саперы и проч. — и всю ночь в наших слуховых окнах сидели слухачи, чтобы следить за немецкими подкопами, и в результате мы сами теперь делаем подкоп. Так у нас тихо, редкое кряхтение мин-чемоданов заставляет качаться блиндаж и лишний раз стукнуть сердце, — но больше ничего не происходит. Правда, пришла вчера телефонограмма — ожидаются ветры западных румбов — очень газоопасно. Но это больше для того, чтобы показать, что штаб интересуется нами.

На участке 5-й роты вчера наблюдали в немецких окопах какого-то бородача в широкополой шляпе, штатского — это очевидно дядя привез им на позицию подарки, и ночью раздавалось пение и звуки гармоники. Из их окопов доносятся крики: «Русс! Русс! Иди к нам, вино есть!» — а у нас в ответ на это несется уличная ругань. Сегодня восемь дней нашего сидения, завтра смена — ждем ее с нетерпением. Сидеть девять дней не раздеваясь с некоторым нервным подъемом все-таки довольно тяжело. Главное, адово спать хочется. Сейчас тихо, где-то щелкает пулемет.

Ну, Христос с тобой и детьми. Целую вас. Храни вас всех Бог. Твой М.

6 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Ты сидишь в окопах, а меня, конечно, томит беспокойство о тебе и вертится только одна мысль — только бы ты жив остался. Ты пишешь, что у вас на фронте затишье, но я не могу считать это затишьем, то, что ты описал в письме. «Чемоданы» тебя преследуют. Сосчитала вчера 60 шагов на улице, и это выходит приблизительно ширина нашей линии, здорово близко, это почти рядом. Сегодня или вчера, по моим расчетам, вас сменили, и теперь будет неделя отдыха, а там снова. Чтоб ты чувствовал себя прекрасно, сомневаюсь, так как ты же писал, что были сердцебиения опять. Бога ради, береги себя и не делай глупостей.

У нас все по-старому. Сижу со Станочкой 15 дней, она весела, но не отпускает меня ни на минуту, только кормить Веру и обедать, так что даже гулять я хожу после того, как она заснет, часов в 10, довольно это трудно, в особенности надоедает все время думать, чтоб как-нибудь не перенести сразу. Верочка весела и здорова. Пожалуй-ста, пиши чаще, как ты и обещал. За письмо спасибо. Целую тебя крепко-крепко. Храни тебя Бог.

Твоя Беби

8 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Пишу тебе уже не из окопов, а из теплой халупы. Вчера мы были сменены измайловцами. Последний день был довольно тих, хотя против одного ротного участка немцы срезали всю свою проволоку. Вчера получил твое письмо с известием о Станочке. Очень меня все это огорчило, и я даже собираюсь приехать, если Верочка заболит тоже. И откуда Станочка могла подхватить эту гадость! Пока она больна, прошу писать каждый день, в случае же заболевания Веры или какого-нибудь осложнения телеграфируй мне немедленно. Очень бы хотелось к вам приехать, только не знаю, как это удастся. Очень приятно сменяться, это, пожалуй, самое приятное, хотя и приходится идти довольно далеко, но сознание исполненного долга с одной стороны, [а с другой] — ожидание теплого помещения и, главное, возможности раздеться — дают огромную отраду.

Получил сейчас новые письма, и очень жаль, что нет ничего в них такого, что могло бы дать мне повод проехать к вам. У нас ходят упорные слухи, что, несмотря на официальный отказ в мире Германии все-таки переговоры идут и уже Германия многое уступила из первоначальных требований. Конечно, все мы хотим мира, но только мира хорошего, долгого и крепкого. В общем, все-таки можно сказать, что атмосфера политическая делается как будто чище. Булинька, как мне хочется ехать к вам и как хочется увидеть Станочку. Иногда представляю себе ясно-ясно, что я звоню, никто меня не ждет. Я раздеваюсь, подхожу к нашей двери из передней, ведь только эта дверь не замазана. Тихонько открываю — ты вскрикиваешь: — Миша! а Станочка наклоняет конфузливо головку и говорит: — Да, правда, папа.

Впрочем, все это мечты, мечты — а здесь совсем другая обстановка. Иногда кажется, что никогда вся эта какофония не кончится. Вчера ездил верхом в баню в полушубке — очень было приятно раздеться в натопленной халупе и вымыться. После бани попал на праздник нестроевой роты, было пьянство, только я мало пью, и вино на меня не оказывает никакого действия. Ночью я и Столица на санях поехали в свой лес, очень было хорошо. Ночь была тихая, изредка показывались звезды, и мы думали, что мы едем не на войну, а где-то в глубине России в имении, два мирных помещика. Ну, пока всего хорошего. Целую тебя, Христос с тобой. Твой М.

9-10 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Вчера видала Кербера и он передал мне письма от Тебя. Свидание наше произошло весьма странно на улице, так как придти на квартиру он не мог из-за скарлатины и он позвонил швейцару и вызвал таким образом меня. Это было в 8 часов вечера. Мне Кербер очень понравился, удивительно он милый и простой, как будто век с ним была знакома, но, конечно, в этом играет роль то, что он так близко знает Тебя. Расспрашивала я его о всех ваших полковых делах и много порассказал он печального, уж очень не на высоте ваши настоящие военные и жаль таких людей как Кербер, он окончательно изверился как будто во всем и также как Ты стремишься прочь оттуда. Мне встреча с ним принесла некоторое облегчение, потому что после первого письма я все-таки сильно волновалась и беспокоилась за тебя, а тут человек который видел тебя все это время. Он говорит, что Ты поживаешь ничего, но письма твои последнее время здорово нервные и издерганные, так что я опять думаю, что у Тебя бессонница и прочие прелести. От твоего предположения, что Ты можешь в конце января приехать к нам, у меня прямо крылья выросли, так радостно стало от этой перспективы, печально только одно: Ты пишешь, что это случится в том случае, если будут отпустить четырех офицеров, а Кербер говорил, что его пустили только одного. Если Квицинский соображает так мало, то Вы бы хоть на Скорино надели, ведь это же ваше право ездить в отпуск и ничего незаконного тут нет.

Присланные Тобой деньги я получила, Кербер передал мне, что Ты просил, чтобы я их не тратила. Боюсь, что это будет немного трудно и что мне придется что-нибудь из них взять. Дело в том, что вместе с полковыми деньгами я имею всего 181 рубль. 146 — жалования министерства и 35 — полк. Из них 180 уходит на квартиру и на жалование Анисье и мне на все остается один рубль. Поэтому я прибежала это время к займам, ведь надо было сделать Стане пальто и купить галоши, которые одни стоили 7 рублей и думала расплатиться со всем этим Твоими наградными, теперь мне из наградных придется заплатить один месяц за квартиру (помнишь комбинацию в сентябре?) и расплатиться с долгами, и мне бы хватало на все, но тут еще болезнь Станы, визиты доктора, потом дезинфекция, одним словом, всякие непредвиденные расходы, и я боюсь, что с одними своими ресурсами я сяду в галошу. Ты теперь не можешь представить, как мало стоит рубль в Петрограде и что стоят теперь обыкновенные вещи, как масло и т.д. Я пишу Тебе это все для того, чтобы Ты не очень огорчался, если я разменяю Твои деньги, но я дошла даже до того, что хотела продать одну Твою бумагу, так неприятно мне чувство, что я все беру у Алисы и мамы в долг. Ты только не думай, что я транжирю деньги, я право на себя ничего не истратила за это время. Вот только теперь, сидя в карантине, иногда начинаю помышлять, что устройю какую-нибудь эскападу после его окончания, пойду в театр или нечто подобное, но до этого еще далеко. Странно, что я пишу Тебе такие вещи, когда Ты сидишь в окопах, спишь на голой земле и девять суток не снимал сапог, теперь ты, кажется, уже все испытал.

Только что перечла Твое письмо и еще раз ужаснулась, как должно быть тяжело у вас. Ведь это же ужасно вы-

держат такое швыряние «чемоданами» а если даже и покойно, то нервы все равно натянуты в ожидании следующего обстрела. А Кербер говорил мне еще, что у вас совсем тихо, я этого не нахожу, на мой взгляд достаточно.

Господи, я совсем не могу представить себе Тебя с Твоими нервами в этом аду. И мне так страшно за Тебя больно. Ты именно не для войны и каждая Твоя новая открытка подтверждает прежний опыт. Если нервы Твои начнут очень шалить, то на основании своей контузии приезжай лечиться, только подожди, когда кончится карантин.

Мы со Станочкой живем очень дружно. Она ко мне еще больше привязалась и призналась как то, что она меня очень любит. Капризничает она мало и удивительно мила и разумна, совсем не просится к няне и Вере и в то время, когда я ухожу кормить, занимается одна и не скандалит. Твои лошади доставили, конечно, большое удовольствие и играет она с ними с увлечением, только у серой лошади сегодня обломилась нога, и она все просит ее заклеить. Дети из Череповца прислали ей всяких домашних животных из бумаги: кур, свиней, осла, корову и Твои лошади вошли в эту коллекцию. Это теперь наши любимы игрушки и, должно быть, будет большая трагедия, если после я захочу их сжечь. Еще она любит играть раковинами, их Николай Васильевич привез из Крыма. <...> Завтра Алисино рождение и сегодня Стана в подарок тете Але нарисовала наш дом и портреты, свой и Веры. Вера пока, слава Богу, здорова и я очень надеюсь, что она и уцелеет, уж очень у Станы слабая форма. <...> Дней через пять Стане позволят вставать, но я боюсь, что тогда будет с ней гораздо труднее. Труднее будет удержать еще столько времени в комнате, чем лежать в кровати и я думаю, что первое время буду поднимать ее на часть дня. У вас получили известие, что Коля прибыл в порт Романов на Мурмане и его ожидают в скором времени домой.

Ну, целую Тебя крепко, крепко. Сейчас пойду гулять. Храни тебя Бог и дай Бог нам скорее свидеться. Всего, всего Тебе лучшего. Стана целует крепко папу.

10 декабря 1916 г.

Дорогая дочка Станочка, папа посылает тебе это письмо на елку, сам он не успел приехать к вам. Напиши папе, хорошую ли елку достала мама и какие подарки получила ты и Верочка. Была ли Верочка на елке. У папы елки не будет, потому что здесь елок нет, — но папа нарисует большую елку, нарисует на ней свечки и будет думать, что это настоящая елка. Папа все еще живет в окопах, — ночью по комнате папиной бегают очень много мышей. Папа устроил ловушку и мышки попадают. Вот так. (рисунок — мышка и мышеловка). Потом папа идет на улицу выпускает их.

Сегодня попала папе ворона, вот такая — (рисунок вороны, у которой ноги спутаны веревкой) — у ней ноги запутались веревкой, и она не может лететь, папа дал ей кусочек сыру — вот такой — (нарисован кусочек сыра) и колбасу (нарисована колбаса) ворона поклевала кусок сыру и колбасу съел солдат (нарисован солдат с куском колбасы во рту) — потом ворона улетела (нарисована летящая ворона).

Ну, прощай. Поцелуй маму и Верочку, и няню Анисью. Папин товарищ Столица посылает тебе картинки. (Приложена картинка: кучер, стоя, погоняет лошадь).

Твой папа. Сегодня рождение тети Али. Поздравь ее.

12 декабря 1916 г.

Дорогая Станочка, Папа забыл тебе послать второго барашка, — когда я сегодня открывал книгу и увидел барашка, — он был очень печальный и сказал, что скучает без братца, я тогда ему сказал, что его сегодня пошло. Как твое здоровье? Папе очень без тебя скучно он все думает, что ты делаешь, должно быть, тебе уже надоело лежать в кроватке. А ты все-таки лежи, тогда ножки станут сильными, и ты будешь хорошо бегать и танцевать. У папы в доме очень много мышей они бегают по комнате и грызут папины вещи, всю ночь грызди чемодан, — но не могли разгрызть. Некоторые мышки очень миленькие серенькие с большими хвостиками, ночью они любят танцевать и кувыркаться. Сейчас папа получил письмо о том, что ты красишь папиными красками, отчего ты папе не прислала твоих картинок.

Скажи маме, что папа сегодня опять садится в окопы, — думали, что в поезд, а оказалось в окопы. Ну, всего хорошего, дорогая дочка. Целую тебя крепко. Поцелуй маму и скажи маме, что может быть папа скоро приедет домой.

До свиданья. Твой Папа

12 декабря 1916 г. Понедельник.

Дорогой Миша,

Сегодня я рассказала Станочке, что папа любил играть в куклы, когда был маленьким, но своих кукол у него не было, а тетя Вера, когда папа брал у нее куклу, у него ее отнимала. И Стана после этого рассказа вздумала плакать, так жалко ей стало папу, и решила утешить тебя по приезду своими куклами. Я сказала, что у папы

есть теперь живые куклы Стана и Вера и это ей очень понравилось. Все-таки приходится поражаться ее благо-разумию.

Вчера было Алисино рождение, мы пили с ней шоколад и она говорит: «давай думать, что мы здоровы и что сидим в столовой, хорошо?» Правда, философ в 3 года. Верушка жизнерадостна и хулиганит страшно. Затем, до свиданья. Целую Тебя крепко и желаю всего лучшего. Твоя Беби

13 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Опять мы сидим в окопах, вчера погрузились на восемь дней. Опять отдых оказался несколько короче — вместо девяти дней только шесть. Зато есть надежда, что праздники будем все-таки не в окопах. Эти дни спокойно, так как немец справляет свое Рождество. Бог даст, и после Рождества будет тихо. Зима, бывшая у нас, уже прошла, опять тепло, снег стаял, поля обнажились, и глядит черная-черная земля. Сегодня мы на новом участке — ни одного дерева, склон горы весь усеян блиндажами, и землянками, и ходами сообщения. Наши блиндаж, или, как говорят, халупа, очень хороши, обшит внутри досками, и все дубовыми. Глядишь и думаешь — какая цена нашему блиндажу, и на что только пошли эти чудные дубы, которые украшали нашу местность. Здесь есть деревня Скурче и рядом с ней Скурченский лес — это только название, на самом деле от этого леса не осталось ни одного дерева, только пни и между ними черные болотные кочки — это землянки. Если же идешь по дороге или какой-нибудь равнинкой между горушками, все это изрыто черными ямами от немецких или наших чемоданов. А здесь кругом наших землянок на позиции лежат груды неразорвавшихся мин, гранат и всякой дряни, которая летит к нам от немцев или, в свою очередь, от нас к ним. Сколько металла разбросано всюду, и это в XX веке люди дошли до той мысли, что самый лучший способ взаимоотношений между людьми это швыряние друг в друга всяких тяжелых предметов от 20 пудов и меньше. Хорошее занятие для взрослых людей!

Самочувствие мое последнее время очень хорошее, катался верхом, теперь у меня опять верховая лошадь — к сожалению, мое седло пропало, — но за него мне теперь удастся получить деньги, а это тоже хорошо. Последнее время очень сильно думаю о тебе, так хочется прижаться к тебе, и ласкать, и целовать, ты мне кажешься такой заманчиво-милой и дорогой. Я снова влюблен в тебя, как, помнишь, летом 1915 года, и так грустно, что ты далеко. Мечтаю о тебе почти все время, только разговоры отвлекают от тебя, но кончится разговор — и снова я полон мечтами о тебе и ты мне представляешься такой, какой ты сидишь на фотографии, где ты что-то шьешь. Помнишь? Это тоже было чудное время на даче Рихтер. Булинька, как мне хочется быть с тобой и как это сейчас невозможно — хотя все-таки думаю, что я скоро уеду отсюда, уж очень мне хочется к тебе домой. Я люблю тебя грустно и нежно, и в сердце моем тишина, дорогая Булинька. Как хорошо, что у меня есть ты, о которой я могу думать и думы о ком дают такую глубокую радость и такое чарующее успокоение. Христос с тобой, береги себя, чтобы радость свидания была еще ярче, чем ожидание его.

Целую тебя. Храни тебя Христос. Поцелуй детей. Твой М.

14 декабря 1916 г.

Дорогой Миша, начала писать Тебе сегодня два письма и оба разорвала, так как выходило не то, что хотелось. Сегодня днем Борис Павлович сказал, что у Станки все хорошо, что в пятницу она может встать и что, собственно говоря, через 28 дней можно было бы ее выпустить из комнаты, но что пока это рискованно из за Веры. И мы решили с ним, что надежнее будет просидеть 6 недель. Шелушения у Станы нет еще до сих пор, и потому она, очевидно, меньше болела, чем другие случаи.

Боюсь, что, когда она встанет, мне будет с ней труднее, чем теперь. Как ты поживаешь, мой дорогой? Как Твое самочувствие? Письма, которые Кербер привез, были последние и мне кажется теперь, что я о Тебе не знаю ничего уже очень давно.

Целую Тебя крепко, крепко. Храни Тебя Бог, мой дорогой.

15 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Это письмо Ты получишь, наверное, на Рождество, поздравляю Тебя с праздниками и желаю встретить и провести их возможно приятнее. Кроме папирос я Тебе ничего не могу послать, так как ни спечь какое-нибудь печенье, ни купить что-нибудь я не могу, так как сижу все время со Станой. Я придумала Тебе в свое время очень хороший сюрприз к Рождеству и мне так жаль, что не удалось его исполнить. Я хотела сняться с девочками у хорошего фотографа и послать Тебе карточки, я как раз собиралась это сделать на той неделе, когда заболела Стана. Только ждали более светлого дня, а потом она заболела и все ухнуло. У нас праздники будут тоже очень печальные, карантин кончается 3 января, затем последует дезинфекция и елку удастся сделать только 5, потому я все-таки хочу непременно сделать елку (хотя, неизвестно, еще будут ли они?).

В самый праздник я думаю устроить Станочке маленькую елочку для кукол, но не буду говорить ей, что это

Рождество у всех детей, а то она будет плакать, что у нее нет настоящей елки и что она не видит няни и Верочки, да и дарить новые игрушки в ее комнате не имеет смысла. Она твердо уверена, что на елку она поправится и будет со всеми. И пока что довольно терпелива. Прямо фатально, что каждое Рождество, с тех пор, как началась война, у нас что-нибудь случается и что-нибудь в доме неблагополучно; оно может быть и лучше, что в этом году карантин, а то настроение такое непростительное и так тяжело было бы устраивать елку детям в сочельник без тебя. Теперь же праздники пройдут незаметнее и я очень рада этому.

Стана уже совсем здорова, дня через два-три ей можно встать и эти две недели надо высидеть из-за заразы. Я очень боюсь, что это будут самые тяжелые недели, трудно выдержать здорового ребенка в одной комнате и понять, почему это нужно она ведь еще не может. Шелушений у нее нет, так что она, на мой взгляд, не столь заразительна. Я даже высказала предположение Лыжину, что это была краснуха, но он ответил, что я могу думать, что он ошибся, что он не обидится на это, но что у него нет никаких сомнений, что это была скарлатина. Когда она встанет, меня смущает еще одно обстоятельство: сидим ведь мы с ней в спальне, окно там не замазано и вот как бы Стане не надудо. Погода как раз теперь стала холоднее 10 мороза. Когда я в комнате, то, конечно, буду сидеть, чтобы она к окну не подходила, но когда я уйду из комнаты я не могу ручаться за Стану.

Время от времени она заставляла меня прочитывать все твои письма и каждый раз радуется на них. Сегодня утром она говорит мне: «я лежала и думала». — «О чем же, Станочка?» — «О папе, что папа приехал, давай думать, да?» Это «давай думать» у нее играет большую роль. Так иногда мы «думаем», что Вера и няня с нами, что мы здоровы и сидим в столовой или же что наступило лето, и мы играем в песок. Причем в формочки накладывается воображаемый песок, и делаются воображаемые пирожки, иногда эти пирожки удаются, иногда же они лопаются и тогда надо делать другие. Воображение у нее большое и представить себе она может все, что угодно, только иногда просит, чтоб я придумала ей игру. Сегодня я вырезала ей из бумаги семейство дятлов и мы играли <...> Со своей куклой Лялей она не расстается, спит с ней вместе и все вспоминает, как нашла ее у Тебя в чемодане. «А папа говорил, что на войне нет кукол, папа шутит, да мама?».

Верочка здорова и очень много разговаривает, она издает всевозможные звуки, говорит нечто вроде «дать, дать». И когда видит меня, то весело энергично кричит: «мама? дать-дать!». И выходит комично, как будто она требует молока, дать молока. <...> С Твоего отъезда она потеряла свой великолепный сон и спит весьма плохо, так что очень жаль бедную Анисью, ей спать совсем не приходится. Я же теперь сплю сравнительно хорошо, хожу кормить Веру только один раз около 1 часу, а затем сплю до 9 часов. Верочке же в 7 часов варят кашу, и она тогда пьет молоко и закусывает печеньем.

Последнее твое письмо было от 2 декабря, т.е. ровно 14 дней тому назад, сегодня уже суббота 17, я пишу Тебе письмо с перерывами, так как Стана совсем не дает писать покойно. Я стараюсь думать, что в этом виновата почта и что у Тебя все благополучно. Теперь вы опять сидите в окопах. Мишенька, пиши мне чаще, хоть открытки. Хотя я уверена, что Ты писал, но что во всем виновата почта. Так Петрово-Соловово⁶ позвонил по телефону только третьего дня, а ведь выехал он 27, говорит, что задержался в дороге. <...>

Целую Тебя крепко, крепко. Храни Тебя Бог. Картинку Станы сожги и вымой руки.

16 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Опять сидим в окопах, и кажется, довольно безнадежно на долгое время. Во всяком случае, праздники придется сидеть в окопах — надо надеяться, что немцы дадут нам сидеть тихо, так же, как дали и мы им. Хотя солдатские вести говорят, что нас сменят, а они редко ошибаются. — Во всяком случае, лучше ждать худшего. Окопное житье, в общем, довольно надоедливое, утомляет полное безделье, от которого время тянется бесконечно долго. Так как в блиндаже я не один, то заниматься для себя очень трудно, тем более что почти все время отвлекают различные донесения и приказания.

Настроение мое недурно, хотя все-таки чувствую усталость и очень сильно мечтаю о Петрограде. Дорогая моя, жаль, жаль, что я тут, а не с тобой и не с детьми буду встречать любимый праздник, праздник семейных воспоминаний и связи с дорогами умершими. Бог даст, мир не за горами и уже будущее Рождество, наконец, мы встретим вместе. Для тебя вчера начал писать стихотворение, но не окончил — не дали. Может быть, со временем удастся его отделать, а пока не могу.

Мешает писать здорово особенно Столица, который, хотя и симпатяга, но болтает всякую ересь. Получила ли ты деньги от Керберга? Если получила, то моя просьба — если тебе они сейчас не особенно нужны, то купи билеты последнего займа. Теперь ты будешь получать из полка денег больше на 30 рублей, я тоже буду получать больше на 15 рублей. Получаешь ли ты прибавку в Министерстве? Напиши мне, что поделывают родные и знакомые. Передай Алисе, что я стал здорово рисовать, различные фигуры, преимущественно голые, и удивляюсь не тому, что я рисую голых — это легче, — а тому, что могу в любой позе нарисовать человека.

Поздравляю всех с праздником. Христос с вами. Целую всех.

Твой М.

18 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Станочка сегодня страшно обиделась на Твое письмо, что Столица нарисовал разорвавшуюся бомбу и что папа упал. Она горько, горько расплакалась из-за этого и оттого, что у Тебя такая избушка скверная, без стен и что Ты пошел опять в окопы, и мне было трудно ее успокоить и утешить. Ты передай Столице, что Стана просит больше не присылать таких рисунков, она просила меня это написать Тебе и сказать, что это глупости. Сегодня получила три твоих письма. Я всегда, читая письма, и радуюсь и огорчаюсь.

Целую Тебя крепко. Храни Тебя Бог.

18 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька, сегодня получил твои письма от 9-го декабря — очень приятно было их получить, так как два дня, т.е. почтовых дня, ничего от тебя не имел — значит, не имел известий около недели. Конечно, если нужно тебе тратить присланные 100 рублей, — то не задумываясь трать их — деньги для того и созданы, чтобы их тратить. Меня только удивляет, почему ты получаешь из М[инистерст]ва только 146 рублей, когда должна получать 150 — будь добра, напиши мне об этом подробнее, я тогда снесусь с Морочем⁷. Во всяком случае, прибавка 30 рублей от полка тебе должна прийти кстати. Бог даст, как-нибудь проживешь, были бы только целы и здоровы, а главное, были бы нужны друг другу — как ты теперь нужна мне. Я себе представить не могу, что бы я делал, если бы тебя не было. Такого чувства к тебе, какое во мне сейчас, я уже давно не испытывал. Просто снова, снова влюблен в тебя. Вспоминал тебя, и все дни, проведенные с тобой, кажутся удивительно хорошими. У меня есть мечта, когда я приеду, поехать с тобой куда-нибудь, чтобы побыть вдвоем, чтобы никого не было из родных, только одна ты. Моя душа стосковалась по тебе и хочется с тобой одной пережить всю нашу любовь сначала. Это мечта, но она так наполняет мою душу восторгом и дает бодрость и силу. Храни себя, дорогая моя, береги свое здоровье, ведь мне так хочется встретить тебя и молодой и сильной, только бы скорей наступило это время. Христос с тобой. Посылаю тебе мои стихи — это стихи, навеянные романтическими приключениями одного офицера. Во всяком случае, мне кажутся они удачными.

Крепко, крепко тебя целую. Твой М.

19 декабря 1916 г.

Дорогая моя девочка Станочка, папа тебе так часто пишет письма, каждый день, чтобы ты не скучала и помнила бы своего папу. У папы в комнате столько мышей больших и маленьких, что когда папа сегодня ночью зажег свой фонарь, он сразу увидел 10 мышек, — они испугались света и побежали в разные стороны, замахали хвостиками, ушками захлопали, а носиком: «тюк-тюрю-рюк». Папа очень любит шоколад и Станочка его любит, он лежит у папы на столе. Мышки тоже его любят, и сегодня ночью они съели папин шоколад и бумагу, в которую был завернут шоколад, тоже съели, — такие шалунишки. Они, верно, подумали, что бумага тоже шоколад.

У папы сегодня испортилась печка, пришел солдат, принес дрова, хотел затопить печку, а дрова не горят, уж он дул, дул, дул, — все губы продул — только дым пошел, — отворил дверь, чтобы дым из комнат прогнать, и стало холодно. — Папа взял шубу, надел перчатки и шапку и сидит в комнате, точно на улице в шубе, шапке и перчатках. Папа посылает тебе лошадку, только у нее ноги обломались, — ну ничего, если найду другую, опять пришло, а эта лошадка с войны, не мудрено, что у нее ноги ранены. Напиши папе, была ли у тебя елка и какие игрушки тебе подарили.

Ну, вот и написал тебе письмо длинное предлинное, семиаршинное, это тебе не сказка, а папе дай кринку масла.

Поцелуй маму и скажи ей, что папе скучно без мамы и хочется ему поцеловать мамины щечки, Станочкин лобик и Верочкин носик, — а теперь спать пора. Христос с тобой, спи до утра, ножками не болтай, ручками не играй, а глазки черносливыки смотри не открывай. Целую тебя и Верочку. Твой Папа

20 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Последние дни получила после долгого перерыва Твои письма и очень была счастлива. О том, что Ты приедешь, боюсь и думать, так это будет великолепно.

У нас все благополучно, все здоровы, страдаем только от холода, так как стоят сильные морозы и в квартире холод отчаянный. По сему случаю все еще держу Стану в кровати, а то из гостиной по полу сильно дует и мои ноги тоже как лед.

Страшно заинтересованы событиями, которые произошли в субботу⁸, читаем газеты между строк и ужасаемся, что из за карантина не можем видеть народ и узнать все слухи, хотя Гарри нас навещает и Рафаил и Дези спорят на лестнице. Дези такая храбрая, что сегодня вошла даже в гостиную. Крепко Тебя целую. Храни Тебя Бог.

20 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Завтра опять оказия, поэтому снова пишу письмо. Могу сообщить тебе, что все-таки отпускают четырех обер-офицеров и одного штаб-офицера. Таким образом, до меня еще очередь 7 человек, т.е. можно надеяться, что в начале февраля я приеду в отпуск. Отпуска дают на три недели — а по-нашему это совсем скоро, всего только два окопных сидения. Теперь мы в окопах сидим по три недели, вылезаем 26 декабря, снова садимся 5-го января, опять вылезаем 27 января и снова садимся 31-го. Насчет нашего отхода отсюда говорят из высоко авторитетных источников, что произойдет не ранее середины февраля. Поживем — увидим, а может быть, к тому времени и с миром что-нибудь наладится. Думается, что герману уж очень не в мочь, что он-таки хочет мириться. Сегодня к Преображенцам перебежало 14 солдат при 2-х офицерах — это тоже знаменательно. Настроение у нас такое, что если немец пойдет на наши условия, то отчего не мириться — и думаем, что если он пойдет, то пойдет теперь же, если же не пойдет, то придется еще лето воевать, если только, конечно, нейтральные государства не пойдут против нас.

Вчера немцы встречали Новый год, а поэтому, очевидно, спяну, не давали нам спать и то и дело принимались швыряться всякой дрянью. Зато сейчас, чтобы не сглазить, тихо. Ты, кажется, напророчила мне бессонницу — вот уже вторую ночь не сплю вовсе. Вчера заснул часов в 6 утра и проснулся в полдевятого, а сейчас уже полпятого утра и мне спать совершенно не хочется. Если это от нервов, то странно, именно последнее время я чувствовал себя превосходно и был в наилучшем душевном расположении. Почему не сплю, сам не знаю — просто не хочется спать, думаю, это происходит оттого, что сидя в окопах весьма мало двигаешься. Вчера ночью рисовал, сегодня занят был делом, чертил планы участков — и вот теперь пишу тебе письмо.

Сейчас командир 5-й роты донес, что против него немцы, по-видимому, ведут подкоп, но мы в свою очередь ведем против них — начинается интересная подземная борьба, кто кого взорвет раньше, — и должно быть, кончится тем, что никто никого не взорвет. Погода у нас непонятная — в общем, петроградская, то валит снег и заносит нас, то он сменяется дождем и мы тонем в воде, — солнца почти не видим, и слава Богу, а то некуда было бы деваться от аэропланов, не наших, а конечно, германских, наши предпочитают не летать ни в хорошую, ни в худую погоду, и я с ними согласен — жить и сидеть в халупе гораздо лучше, чем летать по воздуху, — зачем же лететь от хорошей жизни.

Сегодня ночью, вспоминая вас, вспомнил, что у Ози должно родиться нечто как раз в декабре — если кто родился, то напиши мне, пожалуйста⁹. Что Дези и ее квартира? Что Николай Васильевич, как он доволен своей службой, ты мне что-то давно не писала обо всех родственниках. <...>

Вообще, пиши все, что придет в голову, я так соскучился по тебе и так мечтаю сильно тебя целовать и быть с тобою, что иногда хочется на все плюнуть здесь и ехать к тебе. Вот сейчас, кажется, так бы сильно обнял тебя и стал целовать в глаза, в щеки, в шейку — милая, милая — отчего этого нельзя сделать сейчас! Булинька, я говорю совершенно серьезно, что так, как теперь я люблю тебя, я кажется, никогда еще не любил. Ну, Христос с тобою, боюсь, что я еще что-нибудь скажу, что ты обидишься. Храни тебя Бог, будь весела, счастлива, здорова, а главное, люби меня так, как я тебя люблю теперь, и молись Богу, чтобы я навсегда сохранил к тебе это чудное чувство любви. Христос с тобою. Целую тебя и детей.

22 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Почему Вы опять сидите в окопах, я не понимаю? Вместо 9 дней отдыха у Вас было только 6 и если отсчитать еще 9 дней, то праздники Вы должны как раз отдыхать, а Ты пишешь, что праздники тоже придется сидеть в окопах, почему же это так? И кто те счастливые, которые пользуются продолжительным отдыхом? Ведь если вы меняетесь, то все должно быть одинаково. Солдатик, который принес последнее письмо, говорил, что у Вас тихо, но что в окопах страшная сырость и вода. Я иногда желаю, чтобы Ты схватил ревматизм, чтоб иметь

какой-нибудь предлог, чтоб заполнить Тебя сюда. Эти дни у меня все вертится одна мысль, и когда Ты приедешь, я сообщу ее Тебе, теперь же я еще не решила ее окончательно.

Твои письма к празднику пришли вчера, раньше, чем им полагалось. Спасибо за них, спасибо за стихотворение и за все пожелания, которые Ты шлешь. Одного только у меня нет, нет праздничного настроения, и у меня такое чувство, что сочельник не послезавтра, а еще через много-много времени, и странным даже кажется, когда я вспоминаю елку в былые годы, когда все было мирно, весело и радостно. <...>

Итак, будем ждать полного выздоровления. Сегодня Станочка днем первый раз встала от завтрака до обеда. Была очень счастлива, хотя немножко смущена и боязлива и послушна, спрашивала может ли она подойти к печке, к столу, ибо я внушала ей, что ходить в другие комнаты и подходить к окнам ей нельзя. Ложиться обратно в постель ей очень не хотелось, хотя вечером она была довольно капризна, не хотела чистить зубы и ложиться спать, очевидно, все-таки не шутка пролежать 30 дней в кровати. <...>

Теперь, когда у меня было больше времени наблюдать ее характер, я убедилась насколько верно, что женщины стремятся сохранять все старое и не любят ничего разрушать, как мужчины, не любят эволюционировать, они только созидают, творят и страшно привязываются к своим творениям. Так Станочка привязывается ко всякой бумажке, ко всякому пустяку и сломать, уничтожить ее игрушки, что с удовольствием бы сделал каждый мальчик, ей ужасно жалко. Все эти бумажки, камешки для нее живые существа, но для прогресса она сделать ничего не может. Т.е., я говорю в том смысле, что женщины вообще не способны ни на какие открытия, вообще не могут сами что-нибудь двигать. Все-таки главная их сила это то, что они любят, а тогда они могут одолеть многое. Если я представляю себе, что у Станочки когда-нибудь будет несчастная любовь или если муж ее бросит, мне ужасно жалко становится мою девочку, потому что если она полюбит, так уж сильно и для нее это будет большое горе. <...>

25 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Сегодня начался 14-й день, что мы на позиции, зато завтра пойдем на отдых. Из всего сидения самое трудное это то, что не раздеваешься, а главное, не снимешь сапоги; все остальное довольно свободно переносимо. Грустно и то, что волей-неволей сидишь в грязи; уже три недели, как я не был в бане. Из этих 14 дней один день я командовал ротой, так как один ротный командир заболел, и мне пришлось его заменить. Сидеть впереди, пожалуй, самое безопасное, так как расстояние от противника в большинстве случаев около 100 шагов, а потому ты гарантирован от тяжелых снарядов и даже шрапнели, все мины и все остальные мелкие вещи преимущественно летят туда, где предполагаются резервы, т.е. во вторую и третью линии, иначе говоря, в штабы батальона и полка. Впереди только легкий посвист пуль и шальные гранаты, а также легкие бомбочки — но все это особого вреда не причиняет. Если я привык к окопам, то терпеть не могу ходов сообщения — все они хорошо известны герману и по ним он любит стрелять всякой прелестью, без них же обойтись очень трудно — оттого для меня самое тяжелое переходить из штаба батальона на передовую линию и обратно и даже в тыл. Самочувствие мое очень хорошее и настроение бодрое. Самое трудное время сидения было на 7-й — 8-й день, когда стал здорово чувствовать усталость, потом стало легче, так как чувствовалось — не за горами освобождение. Противник, в общем, ведет себя очень тихо. Правда, день на день не приходится, например, 23-го он очень был беспокоен — дошел до того, что даже ночью швырялся чехоманчиками, не говоря уж об огромном количестве мин. 20-го он пытался подорвать наши минные подземные работы, но неудачно, — а вчера то же проделали мы. Ожидали мы сильного взрыва, так как были данные, что немец уже успел заложить 200 пудов динамита, чтобы нас взорвать, но, видимо, не успел, так как сильного взрыва не последовало. В общем, не так плохо, — тоска моя прошла и я могу смело сказать, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Только недостает тебя, особенно, если вспомнить, что сегодня Рождество. Ах, какая чудная была сегодня ночь. Полная луна, небольшой мороз, крупные звезды и тишина — немцы благородно дали нам справить Рождественскую ночь, ни одной мины, ни одного снаряда, — только редкое попукивание ружей, — впрочем, долг платежом красен — ведь и мы не [мешали] петь песни в их Сочельник и в их Новый год. Надеюсь, что и вы хорошо встречаете праздники, думаю, что все-таки вы достали елку.

Интересно, как Верочка приняла ее. Станочка тоже должно быть уже была на ногах. Жаль, что папа не видал их мордочек с блестящими глазками. Жаль, что не видал и тебя и не мог поцеловать твои глаза. Булинька, не грусти, моя милая, все образуется, снова будет тепло и уютно, и чем больше неуютно теперь, тем [уютнее] будет потом. Жизнь берет свое, но возвращает его со сторицей. Мы сейчас с тобой платили за наше беззаботное счастливое детство, а потому будем ждать счастливого будущего, а если мы не узнаем его сами здесь, узнают его наши дети, а что может быть лучше, чем знать, что Станочка и Верушка будут хорошо жить. Мы свое получим не здесь, а в будущей жизни, чувствуя покой и счастье детей. Я все тебя угощаю философией оптимизма, — но разве можно жить без веры в то, что ни случается с нами, все, во-первых, так и должно быть, во-вторых, все разумно, а в-третьих, потому и ведет к лучшему. Я, например, сейчас с громадным счастьем предвкушаю встречу с тобой, и оттого, что ты в данный момент являешься для меня недосыгаемой, — моя любовь к тебе делается такой молитвенно прекрасной, дает так много истинной радости, что вытягиваешься, как струнка и только

думаешь — быть достойным твоей чистоты и твоей любви, и я так тебя люблю, как никогда бы не любил, если бы это время пробыл с тобою. Ах, Булинька, я знаю только одно, что я живу для тебя, а без тебя, если бы тебя не было, я не могу себе представить, как бы я мог жить. И как бы мне хотелось, чтобы все, что сейчас поет во мне — перешло в тебя и тебе бы стало легко, и ты бы поверила, что все идет к лучшему, даже самое худшее, и сказала бы от всего сердца: Слава Богу, как хорошио жить.

Булинька, сегодня Рождество, и так удачно, что завтра идет оказия, и я могу поэтому писать тебе. Писать письма впрок, т.е. без надежды скорой отправки их я не могу, я люблю писать, когда знаю, что тот, кому я их пишу, скоро получит их.

Сейчас герман решил, что довольно нам покоя и как будто начинает швырять мины, по крайней мере, одна где-то прочно села на землю. Между прочим, вчера перед вечером на участке против Столицы они выкинули белый флаг в знак того, что с этого участка стрелять не будут. Пустили сейчас несколько шрапнелей и замолкли, должно быть, спросонья.

С нетерпением жду от тебя писем, надеюсь, что ты все мои письма получила, на прошлой неделе было много оказий, и я с каждой посылал письма. Очень уж меня интересует вопрос: неужели ты в положении? — Это было бы, во всяком случае, довольно неожиданно. Ну, пока всего хорошего. Целую тебя. Привет всем. Когда у вас кончатся карантин? А здорово кокнули Распутина! Если что знаешь об этом, напиши с оказией.

Сегодня праздник, и очень трогательна солдатская заботливость — (еще две мины) — они, т.е. посыльные, в блиндаже все вычистили, пока мы спали, положили на стол чистую газету, даже розетку из бумаги вырезали к свечке — и сразу стало и светло, и уютно, и как-то празднично. Еще раз до свиданья. Христос с тобой. Целую много, много раз.

Твой М.

25 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Очень удачно получил твою посылку — папиросы, как раз 25-го, — только жаль, жаль, что доехали они в очень плохом состоянии, так как коробки разломались, и они отсырели. Письмо от 15-го получил тоже. Жалею, что у вас не будет елки. Ну, да ничего — все образуется. В целом сегодня день прошел довольно тихо, только вот сейчас германы расшвырялись по нашему старому участку минами. Сегодня весь день немцы предлагали нашим вина, — на что наши отвечали выстрелами. Итак, завтра мы отходим в резерв — на одну неделю, правда, — но все-таки, как приятно будет раздеться, надеть чистое белье и хорошо вымыться в бане.

Спасибо за память. Христос с тобой. Храни вас Бог.

25 декабря 1916 г.

Дорогая Станочка,

Папа тебя поздравляет с праздниками и посылает тебе теленочка и черную девочку. Про теленочка мама умеет петь песню — был он беленький, я теленочка любил. Правда, хороший теленочек, а черная девочка аранка утащила кусок арбуза и танцует от радости. Теленочек просит тоже кусочек арбуза, а аранка только смеется и танцует.

У папы елки еще не было, она будет послезавтра. Папа утром будет мыться в бане, потом будет бриться, потом устроит елку, позовет гостей, зажжет свечки и будет думать, что я он дома вместе с мамой, Станочкой и Верочкой. А ночью придут мышки и съедят на елке все конфеты, им также хочется быть на елке, ведь скучно сидеть все под полом и ничего не видеть, а гостей они боятся. Когда Станочка поправится и будет ее рождение, то папа постарается к ней приехать, только не говори маме об этом, — это секрет и Верочке не говори. Папа хочет, чтобы Верочка не знала и сразу увидела папу, и мама ничего знать не будет, одна только Станочка, — вдруг откроется дверь и папа придет. Тогда мы устроим шеколад и будем все вместе пить и есть вкусный крендель — тогда будет и Гуля и Майя и будет очень весело. А пока спи хорошенько, слушайся маму и расти большая, большая, как самая большая елка.

Поцелуй маму, няню, Веру, бабушку и тетю Алю и скажи, что папа им кланяется.

25 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Сегодня Рождество; я надеялась, что Кербер уезжает сегодня, что отвезет Тебе письма и посылку. Аля звонила к нему по телефону, и оказалось, что у него разболелись зубы и что он подал рапорт о болезни. Итак, Ты останешься к Новому Году без писем, и это ужасно обидно, тем более, что это время я, рассчитывая на Кербера, не писала по почте. Погода у нас чудная, настоящая рождественская, днем светило солнце, а вечером и вчера, и теперь очаровательная луна, настроение только совсем не праздничное.

Сегодня мы со Станочкой устраивали елку для ее кукол, вырезали и клеивали из разноцветной бумаги флаги, звезду, птичек и украсили маленькую елочку, которая ростом со Станочку и стоит у нас на полу. Затем повесили маленькие яблочки, зажгли шесть свечек, посадили всех кукол. <...> Когда Станочка встала, то няня, бабушка, тетя Аля приходили к нашей двери, чтоб ее немножко увидеть и теперь всякий раз как дверь открывается, Станочка начинает презабавно делать реверансы. Никто ее этому не учил, а она это делает из скромности и из благодарности, что к ней пришли. Третьего дня она видала во сне, что Ты приехал, проснулась ночью и спрашивала меня, когда папа придет? Скоро?

Верочка сегодня первый раз встала на ножки сама; взялась за палку решетки в кроватке и встала. Это довольно рано, правда? Ведь ей еще нет 9 месяцев. Зуба у нее все еще нет, и я, пожалуй, больше бы обрадовалась зубу, хотя и то, что она сама становится, говорит, что кости у нее крепкие. Характер у нее совершенно мальчишеский, и Ты ее не узнаешь.

Теперь вот что: как получишь это письмо, напиши сразу и пришли мне доверенность на получение денег в Министерстве, а то мне денег оттуда больше не дадут и наградные к Рождеству тоже поэтому не дали. Доверенности надо прислать две: 1. на все причитающиеся суммы 1916 года и 2. на жалование и причитающиеся суммы с 1 января 1917. Тогда якобы выдадут наградные и прибавку еще какую-то. Доверенность пришли на имя Херри, а то Ози получать очень неудобно. Херри же ничего не имеет против. Так как я рассчитывала получить наградные и не получила их, то финансы мои сейчас очень плачевны и если бы не твои 100 р., я не знаю, как я вышла бы. Когда Ози третьего дня сообщил мне об этом, я хотела в первый момент идти говорить по телефону с Морачем и сказать ему, что это безобразие и что они должны были бы предупредить об этом в ноябре, когда получали жалование, что Ты на фронте и что деньги мне очень нужны. Не знаю, добилась ли бы я чего-нибудь своим разговором, но главное, я сообразила, что не имею никакого права говорить по телефону, раз у меня карантин, и что это будет

неблагодарно относительно всех других говорящих по телефону. Канитель страшная и ужасная тоска, что у нас все так делается, поэтому, пожалуйста, устрой мне это как-нибудь с оказией. <...>

26 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Все жду оказий, чтобы отослать письма, которые должен был взять с собой Кербер, думаю, что по почте посылать не стоит. У нас все благополучно. Верочка здорова, а наш карантин кончится в субботу. Лыжин разрешил выйти на 2 дня раньше, хочется Новый год встретить, как следует. Пришли, пожалуйста, доверенность на получение денег в Министерстве, а то они не хотят давать прибавки и наградных к Рождеству без доверенности. Две доверенности: 1. на причитающуюся сумму 1916 г. 2. на все причитающиеся суммы и жалованье в 1917 г. Напиши все это на имя Херри, ему удобнее, чем Ози, ходить в Министерство.

Крепко целую. Дай Бог Тебе всего лучшего.

29 декабря 1916 г.

Милый, милый, спасибо Тебе за Твои хорошие, ласковые письма. Ты так стосковался и так хочешь увидеть меня. Спрашиваешь, люблю ли Тебя также сильно? Разве Ты не знаешь, что спрашиваешь, Ты ведь знаешь, что Ты для меня значишь, я только и жду Твоего приезда и вместе с тем боюсь. Боюсь, что после того нечего будет ждать, но это малодушие, конечно. Теперь же у меня такое настроение, что мне хотелось бы заснуть и проснуться, когда война кончится и будет мир, так устала я от жизни и от всего. А Ты еще пишешь, что хочешь встретить меня молодой и веселой, или и у тебя закрадываются мысли, что все мы стареем и что все у нас уже в прошлом? Внутренние дела и чтение газет отвлекают мысли в другую сторону от войны, слишком уж политика волнует, чтоб оставаться тут спокойной. У вас, должно быть, это не так заметно, Кербер говорил мне, что вы мало интересуетесь тем, что творится у нас. <...>

На днях кончается наш карантин, и это так приятно, а то порядочно надоело и, главное, надоела неурядица в доме.

Целую Тебя крепко, крепко. Храни Тебя Бог. Твоя Беби

¹ Лапицкий Владимир. Поручик 1-й Л.-Гв. артиллерийской бригады. Пожалован за отличия в делах против австрийцев орденом св. Анны с надписью «За храбрость».

² Георгий Константинович Эльснер, капитан Егерского полка, после революции в Добровольческой армии, в эмиграции в Харбине, умер в Тайбее (Тайвань) в 1973 г.

³ Алексеевский Павел Александрович. Капитан л.гв. Егерского полка. В Северо-Западной армии; в дек. 1919 во 2-м пехотном Ревельском полку. В эмиграции в Эстонии, затем в Германии. Ум. в июне 1970 в Штутгарте.

⁴ Александр Васильевич Кошевой, капитан (позже полковник) Егерского полка, после революции в Белой армии, в эмиграции в Югославии (Белград).

⁵ Лабинский Кирилл Алексеевич, капитан л. гв. Егерского полка. В эмиграции в Югославии (Нови Сад). Служил в Русском Корпусе. Ум. 15 мая 1967.

⁶ Николай Михайлович Петрово-Солового, прапорщик Кавалергардского полка, был в группе офицеров, прикомандированных к Егерскому полку в сентябре 1916 г. после понесенных им в холе Ковенского сражения тяжелых потерь. Во время Гражданской войны в Белой армии, умер в Брюсселе в 1929 г.

⁷ В.В. Морачевский.

⁸ Речь идет об убийстве Григория Распутина.

⁹ Речь идет о четвертом сыне О.А. — Германе, который родился в январе 1917 г. Герман Парланд, последний из племянников Э.А. только что отметил свое 102-й день рождения.

Semenov-Tyan-Shansky M.A. – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Head of Laboratory, POMI RAS

Zadneprovskaya A.Yu. – Candidate of Historical sciences.

LETTERS FROM 1916 (LETTERS FROM THE ARMY TO PETROGRAD AND FROM PETROGRAD TO THE ARMY)

Annotation. In this publication – wartime correspondence between husband and wife – Mikhail Dmitrievich Semenov-Tyan-Shansky and Emmy Andreevna (in girlhood Parland). Correspondence covers the events of May-December 1916. The third part of the correspondence is published in this issue: December 1916.

Keywords: World War I, Petrograd, front, army, family, M.D. Semenov-Tyan-Shansky, E.A. Parland.